

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 349-357
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.349

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Network Organization of the Russian Revolutionary Movement in the second half of the 19th – early 20th centuries

Roman V. Parma ^{a, *}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

The study is devoted to the application of the principles of network organization by the Russian revolutionary movement in the second half of the 19th - early 20th centuries. The purpose of the study is to evaluate the practical experience of using the network structure in organizing the movement of Russian revolutionaries. The research methodology is based on descriptive, comparative, and structural analysis. The research sources were formed based on archival materials, including unpublished documents from the funds of the Special Section of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs, the Central Committee of the Socialist-Revolutionary Party, and the Main Military Court Directorate, as well as an extensive corpus of memoirs of contemporaries, participants, and opponents of the revolutionary movement. The analysis of sources showed that the network structure of the organization is formed based on the autonomous activity of the elements. Network structures for organizing underground activities were created by various revolutionary movements, including Narodnaya Volya, anarchists, social democrats, maximalists, socialist-revolutionaries, and Bolsheviks. The network organization corresponded to the needs, methods of struggle and the illegal position of the Russian revolutionary movement in the conditions of the suppression of political radicals by the authorities. The formation of "spider networks" allowed the revolutionaries to effectively ensure the "survival" of cells, solve problems associated with the risks of liquidation and the need for conspiracy, minimizing internal splits and social expansion. The network principle of organizing a revolutionary movement is recognized as optimal in the conditions of underground activity in the absence of a stable connection with the governing center and the use of repressive state measures. However, the organization of revolutionaries, built on the network principle, turned out to be unsuitable for seizing power, both because of the low degree of controllability of regional and local divisions, and the lack of effective mechanisms for coordinating their actions and consolidating resources.

Keywords: network organization, management system, revolutionary movement, political radicals, state order, repressive measures.

1. Введение

История революционного движения в России представляет собой уникальный кейс эмпирического опыта, не утратившего практической значимости даже в настоящий период. Она содержит широкие пласты информации относительно причин возникновения и специфики функционирования подпольных антиправительственных организаций, обладающей актуальностью вне зависимости от конкретно исторического контекста. И в то же время данная тема имеет принципиальное значение с точки зрения выстраивания объяснительной модели, пригодной для научного описания социально-политического развития Российской империи в период второй половины XIX – начала XX вв. Можно с сожалением констатировать, что в советский период история революционного движения в значительной степени испытала на себе влияние как «героического

* Corresponding author

E-mail addresses: rvparma@mail.ru (R.V. Parma)

мифа основания», так и официальной концепции образа прошлого правящей партии. Как следствие, степень ее достоверности и объективности критическим образом снизилась.

В постсоветский период возникли основы для ревизии подходов к ее описанию, однако влияние политической конъюнктуры и социального заказа способствовало тому, что пересмотр моделей интерпретации был осуществлен на ценностно-эмоциональной основе, в ключе тотальной стигматизации. Как следствие, выявление прикладных и теоретически значимых аспектов темы осуществлялось скорее по остаточному принципу. Помимо того, как и в советский период, получил широкое распространение избирательный подход к освещению фактов: многие исследователи акцентировали внимание на эмпирике, подтверждающей их гипотезы, одновременно игнорируя противоречащие им факты. В результате тема организации революционного движения в целом и применения в ее рамках сетевого принципа остается достаточно слабо изученной.

Целью представленного исследования является оценка опыта применения сетевых принципов при построении в России революционных организаций в период второй половины XIX – начала XX вв.

2. Материалы и методы

Источниковая база данной работы формировалась по большей части за счет привлечения архивных материалов. При подготовке исследования использовались материалы из фондов Особого отдела Департамента полиции МВД (Государственный архив Российской Федерации, ГАРФ), Центрального комитета партии эсеров (Российский государственный архив социально-политической истории, РГАСПИ) и Главного военно-судного управления (Российский государственный военно-исторический архив, РГВИА).

При написании работы в качестве источников были использованы личные воспоминания современников – мемуары Ц. Бобровской, А. Богданович, Н.Е. Буренина, А.Н. Вознесенского, И.И. Генкина, А.В. Герасимова, В.Ф. Гончарова, В.И. Гурко, Л.Г. Дейча, В.Н. Залежского, В.Н. Засулич, А.А. Звездова, П.Н. Караваева, Е.И. Козлининой, И.Ф. Кошко, А.П. Мартынова, Г.А. Нестроева, В.Д. Новицкого и К.В. Островитянова (Бобровская, 1924; Богданович, 1990; Буренин, 1961; Вознесенский, 1928; Генкин, 1927; Герасимов, 2004; Гончаров, 1930; Гурко, 2000; Дейч, 1926; Залежский, 1925; Засулич, 1931; Звездов, 1925; Караваев, 1953; Козлинина, 1913; Кошко, 1916; Мартынов, 2004; Нестроев, 1910; Новицкий, 1991; Островитянов, 1967).

Методология работы выстроена на основе сочетания дескриптивного, сравнительного и структурного анализа. Сравнительный анализ позволяет сопоставить между собой модели применения сетевого подхода на разных этапах развития революционного движения. Структурный анализ дает возможность реконструировать модели организации объединений революционеров. Дескриптивный анализ позволяет продемонстрировать взаимосвязь между отдельными составляющими предмета исследования.

3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии тема исследовалась преимущественно в рамках смежных сюжетов, таких как террористическая деятельность российских революционеров и противодействие им со стороны МВД (Берман, 1913; Богучарский, 1912; Гредескул, 1912; Мальшинский, 1880; Спиридович, 1916). В советский период вышло большое количество работ, посвященных подпольной деятельности революционеров, однако они описывали ее с точки зрения парадигмы вертикально интегрированного управления (Базанов, 1962; Гуляев, 1935; Кальманович, 1928; Панкратов, Поляков, 1965; Ростов, 1926; Салтык, 2002).

Современные авторы исследуют тему преимущественно на основе изучения опыта деятельности боевых и террористических подразделений революционных организаций в отрыве от вопросов функционирования их базовой структуры (Будницкий, 1994; Булдаков, 1997; Варфоломеев, 2008; Варфоломеев, 2009; Вахрушев, 2001; Галкин, 1996; Гинев, 1999; Головков, 2005; Ермаков, 1996; Кузнецов, 2010; Куликов, 2014; Морозов, 1995; Островская, 2013; Пазин, 2014; Рубцов, 2018; Хлобустов, 2000; Шаронов, 2009).

4. Результаты

Сетевой принцип организации управления предполагает децентрализацию соответствующего процесса. Структурные элементы управляемой системы приобретают автономный характер. Уровень их взаимосвязи, и соответственно потенциал координации действий, снижаются, но в то же время структура организации приобретает способность активно расширяться. При этом данный процесс носит во многом спонтанный характер: новые элементы структуры могут образовываться в отсутствие соответствующего решения со стороны центрального руководства. Низовые звенья организации опираются преимущественно на собственные ресурсы, что значительно снижает нагрузку на центральный аппарат. Уничтожение одного из ее элементов не приводит к парализации всей системы управления. Отсутствие необходимости регулярного согласования всех своих действий с управляющим центром придает организации большую гибкость: местные подразделения выстраивают стратегию и тактику действий, исходя из понимания ситуации на территории, в которой

они ориентируются лучше, чем члены центрального руководства. Помимо того, использование сетевого принципа организации способствовало рекрутированию инициативных кадров и вырабатывало у членов объединения навыки самостоятельного принятия решений.

Таким образом, сетевой принцип организации является оптимальным в условиях, когда филиалы управляемой структуры на местах не могут поддерживать устойчивую связь с управляющим центром в условиях репрессий со стороны противника, обладающего большим ресурсным и организационным потенциалом. Соответственно, принцип сетевой организации по своей природе отвечал потребностям и специфике политико-правового положения российских революционеров. Это обстоятельство само по себе подталкивало их к использованию сетевого принципа построения организации. Однако зачастую соответствующий выбор лишь закреплял уже сложившееся положение.

Еще народолюбцы активно пытались упорядочить и формализовать процесс управления деятельностью своих организаций. Аналогичного курса последовательно придерживались и ЦК партии эсеров. Тренд на обеспечение системного функционирования и высокой управляемости низовых структур характеризовал и управленческую политику социал-демократических партий. Стремление к созданию нормативной базы для выстраивания своей структуры демонстрировали даже максималистские и анархистские организации (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233 (1905). Д. 1735. Л. 12-14). В случае ряда террористических структур революционного характера (таких как Северный боевой союз социалистов или Союз крайних террористов) формальному созданию организации предшествовали разработка и принятие развернутых уставов, четко регулирующих взаимоотношения между ее иерархическими элементами (Гончаров, 1930: 75-76; Гурко, 2000: 112). Однако стремление руководящего звена революционных структур к централизации нивелировало обстоятельства происхождения низовых организаций. Многие из них складывались на местном уровне стихийным образом. Ярким примером в данном случае могут служить местные организации большевиков и эсеров, и в особенности боевые дружины первых в период революции 1905–1907 гг. (Буренин, 1961: 23-25; Вознесенский, 1928: 41; Мартынов, 2004: 35-36).

Активные попытки наладить связь с центральными органами и в целом выстроить традиционные иерархические системы управления слишком часто заканчивались выявлением революционных структур представителями правоохранительных органов (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2. Л. 17). Наиболее ярко это проявилось в случае «нечаевцев»: стремление руководства организации к полному контролю за действиями рядовых членов не только позволило правоохранителям своевременно вскрыть существование подпольной структуры, но и собрать внушительную доказательную базу. В данном случае процесс над народниками не завершился серией приговоров за совершение тяжких преступлений лишь в силу того, что в ходе судебного процесса был выявлен имитационный характер значительной части отчетности революционеров: не имея необходимых навыков, члены организации зачастую прибегали к подделке результатов. Например, сбор финансовых средств мог сводиться к получению бессрочных займов у богатых родственников.

Свою роль в сохранении значительной доли сетевого элемента в организации противников действующей власти играли также различия во взглядах между конкретными лидерами революционных структур на местах. Управляемость формальной «партийной вертикали» во многом зависела от того, какой позиции придерживались лидеры территориальных ячеек, сочувствовали ли они идеям «боевизма», «экономизма», «соглашательства» и т.д. Опираясь на персональный авторитет в рамках собственной низовой организации, они зачастую могли игнорировать не устраивавшую их политику центра. Это являлось во многом следствием самой природы сетевой системы управления. Сеть выстраивается на основе неформальных норм и социального инструментального капитала, вытесняющих формальные принципы организации. Взаимоположение и взаимозависимость образующих ее субъектов не обусловлены четкой логикой. Ключевую роль в определении их конфигурации играют неформальные внутренние связи, отношения доверия, общность обстоятельств происхождения и системы ценностей (РГВИА. Ф. 801. Оп. 5 отд. 1907. Т. 2. Св. 20. Д. 8. Л. 24).

Необходимо учитывать обстоятельства происхождения многих ячеек революционных организаций на местах. В отсутствие устойчивых и эффективных каналов коммуникации с центральными структурами они были вынуждены действовать автономно и опираться преимущественно на собственные ресурсы (РГВИА. Ф. 801. Оп. 6. 5 отд. 1908. Св. 36. Д. 19. Л. 30). Новые подразделения на территории, находящейся внутри их зоны ответственности, формировались в значительной степени стихийным образом: зачастую организации профессиональных революционеров выступали лишь в качестве агрегатора уже сложившихся групп недовольных, возглавляемых харизматическими лидерами. При этом впоследствии положение последних в формальной партийной иерархии и реальный статус зачастую не совпадали (Караваев, 1953: 38; Козлинина, 1913: 14-15; Нестроев, 1910: 27, 30).

Высокая степень централизации и выстраивание жесткой иерархии также во многом отторгались революционерами в силу наличия двух значимых рисков. Во-первых, успешная провокация в рамках центральных органов революционной структуры могла полностью уничтожить управляющий контур и дезорганизовать ее работу. Значимость этой угрозы хорошо осознавали

лидеры революционных организаций. Внутри подполья к началу Февральской революции действовали около 10 тыс. «агентов внутреннего наблюдения». Также МВД могло рассчитывать на поддержку около 40 тыс. «вспомогательных агентов» (последних вербовали из числа лиц, не состоявших в революционных организациях, но регулярно соприкасавшихся с ними). Благодаря этому правоохранители регулярно наносили существенный ущерб революционерам, приучив их лидеров опасаться провокаций (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 33. Л. 55; Кошко, 1916: 74). Во-вторых, централизованный аппарат давал возможность лидерам организации сравнительно легко подавлять внутреннюю оппозицию. Однако усиление внутренней репрессивной составляющей способствовало возникновению расколов внутри организации. Сетевой формат, напротив, позволял относительно бесконфликтно сосуществовать в рамках единой структуры носителям разных взглядов (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 20. Л. 71). Наконец, следует помнить о том, что российские революционеры в значительной степени копировали свою организационную структуру с моделей, созданных лидерами европейских «бунтарей». В частности, народовольцы позаимствовали многие элементы системы организации итальянского и польского политического подполья (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233 (1905). Д. 2554. Л. 55, 59).

Система организации революционеров выстраивалась в рамках нескольких параллельных иерархий. Ее каркас составляла так называемая «паучья сеть» (или «пчелиный рой»), объединявшая законспирированные ячейки, выстроенные по количественному принципу. Основу «паучьей сети» формировали пятерки членов организации, объединявшиеся в «десятки», «сотни» и «тысячи» (РГВИА. Ф. 801. Оп. 7. 5 отд. 1906. Св. 16. Д. 579/5. Л. 51). Последние три обозначения чаще всего носили номинальный характер: зачастую общее количество членов ячейки не достигало «круглого» значения. Лишь главе первичной ячейки-пятерки была известна личность руководителя «десятки», а последний мог выйти на связь с начальником «сотни». Первоначально народовольцы практиковали обозначение позиции члена внутри пятерки при помощи присваивания руководителям одного и того же номера, но впоследствии от этого отказались по конспиративным соображениям (Генкин, 1927: 48; Герасимов, 2004: 29).

Одновременно с разделением по количественному принципу использовалось функциональное распределение обязанностей. Например, внутри организаций революционеров-террористов выделялись боевые, военно-технические и «разведочные» подразделения (после 1905 г. к ним также прибавились структуры, отвечающие за подготовку к развертыванию партизанских операций). Параллельно с этим действовали формализованные партийные комитеты (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233 (1905). Д. 2553. Л. 32-34; РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 25. Л. 49). При этом функционирование всех структурных моделей объединял общий признак: в большинстве случаев отсутствовало четкое разделение ролей между организаторами и исполнителями. Последнее обуславливалось как ограниченным характером людских ресурсов, имевшихся в распоряжении революционеров, так и присущей последним этики. Поручение кому-либо задач, предполагавших высокие личные риски, без выполнения аналогичных миссий легко могло быть использовано для дискредитации представителей руководящего звена среди соратников.

Три модели организационной структуры зачастую пересекались между собой. В частности, эсеры и лидеры РСДРП настаивали на том, чтобы члены боевых групп или военно-технических бюро входили в состав территориальных пятерок. Это рассматривалось как мера, предотвращающая обособление и моральное разложение боевиков (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233 (1905). Д. 2522. Л. 41-43; РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 36. Л. 38). Однако на практике вплоть до начала революции 1905–1907 гг. в большинстве революционных структур отсутствовало тесное сопряжение между партийными комитетами и законспирированными ячейками на местах. Длительное время это не препятствовало их деятельности и даже выступало в качестве дополнительной гарантии безопасности (Бобровская, 1924: 44; Богданович, 1990: 61; Дейч, 1926: 25).

Однако революция 1905–1907 гг. вскрыла недостатки данной системы. Попытки организованной мобилизации рабочих и крестьян для проведения восстаний, экспроприаций и развертывания партизанской борьбы показали неспособность всех революционных организаций наладить четкое взаимодействие между своими структурами на местах. Более того, сетевой принцип организации делал невозможными выработку и реализацию массовых программ подготовки членов боевых дружин и иных парамилитарных организаций, продемонстрировавших низкую степень выучки и способности координировать свои действия (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233 (1905). Д. 2502. Л. 22).

Также революционеры систематически сталкивались с тем, что в отсутствие центрального управления действовавшие на одной территории группы не могли четко разделить между собой текущие задачи. Как результат, работу над реализацией одного и того же проекта могли одновременно вести несколько групп, руководство которых не владело информацией об активности «коллег». Как следствие, не только снижалась эффективность работы подразделений, но и увеличивалась вероятность выявления подпольщиков правоохранителями. В данном случае важно подчеркнуть, что этот недостаток был характерен для работы революционных организаций на протяжении нескольких десятилетий. Например, покушение на градоначальника Санкт-Петербурга генерала Ф.Ф. Трепова в 1878 г. готовили независимо друг от друга три группы народников. В мае

1906 г. в Севастополе одновременно действовали три группы эсеров-террористов, не информированных о наличии на данной территории «коллег». Неудачное покушение со стороны боевой группы местного комитета партии на коменданта крепости генерала В.С. Неплюева спровоцировало массовые аресты, в результате чего в руках правоохранителей оказались и члены других террористических групп (Залежский, 1925: 25; Засулич, 1931: 87; Звездов, 1925: 72).

Имели место и проблемы, связанные с формированием «надпартийности» обособленных структур. В частности, взаимоотношения между ЦК партии эсеров, ее боевой организацией, Центральным летучим боевым отрядом и Летучим отрядом Северной области ПСР сводились к тому, что центральный орган партии давал санкции на устранение отдельных политиков и выделял субсидии на осуществление террористических актов. Аналогичные тенденции проявлялись и в случае многих региональных организаций социал-демократов. В частности, дружины и иные специализированные подразделения большевиков в уральских губерниях выстраивались вне рамок партийных ячеек, их лидеры избирались не партийной организацией либо комитетом, а непосредственно членами данной структуры (Новицкий, 1991: 77-80; Островитянов, 1967: 101).

Негативный опыт революции 1905–1907 гг. вынудил руководство большинства революционных организаций предпринять ряд мер, ограничивающих использование сетевого принципа организации. В частности, был взят на вооружение подход, впервые предложенный большевиками: вышестоящие партийные организации делегировали на места инструкторов, которые не только проводили обучение местных кадров конкретным навыкам подпольной или боевой работы, но и фактически выступали в качестве агентов контроля. Эсеры и меньшевики действовали сходным образом: к функциональным обособленным подразделениям партии на конкретных территориях прикреплялись уполномоченные от местных комитетов, призванные осуществлять функции контроля и координации работы партийных структур. Одновременно начали разрабатываться типовые уставы для специализированных подразделений революционных организаций.

Однако полезный эффект от этих мер существенным образом нивелировался (особенно ярко это проявлялось в случае эсеров). Во-первых, инструкторы и уполномоченные зачастую сводили свою активность исключительно к подготовке кадров или трансляции указаний вышестоящих партийных структур. Во-вторых, обладая достаточно высокой степенью ресурсной и организационной автономии, региональные отделения революционных структур могли себе позволить «мягкий саботаж» указаний центральных органов (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233 (1905). Д. 2502. Л. 41, 49, 54-56, 59). В силу данных обстоятельств, несмотря на существенные усилия центрального руководства соответствующих партий по регулированию действий местных ячеек и установлению прочного контроля над использованием ими инструментов политического насилия (исходя из преимущественно идеологических и конспиративных соображений), революционные структуры на местах в силу внешних обстоятельств сохраняли высокую степень автономии.

5. Заключение

Сетевой принцип активно использовался российскими революционерами в качестве организационной основы на протяжении рассматриваемого периода. Выбор данной модели был обусловлен содержанием заимствованного опыта европейских революционеров, а также необходимостью вести деятельность в условиях полной асимметрии ресурсных потенциалов с противостоящим актором в лице государства. Его применение позволяло эффективно решать задачи выживания и структурного расширения, а также позволяло минимизировать риски возникновения внутренних расколов.

Однако при возникновении условий, благоприятных для начала действий по захвату власти в России в ходе революции, был вскрыт ряд принципиальных недостатков сетевого принципа организации революционного движения. Низкая степень управляемости региональных и местных отделений, а также отсутствие эффективных механизмов координации их действий и консолидации ресурсов превратили сетевую модель организации в препятствие на пути к достижению целей революционеров. Сетевой принцип, образно выражаясь, был удобен для ведения «партизанской войны» против силового аппарата империи. Однако он демонстрировал минимальную эффективность, когда речь шла о решении задач, связанных с захватом и удержанием публичной власти. Как результат, революционеры были вынуждены модернизировать модель организации, упорядочивая работу сетей за счет расширения элементов вертикального, иерархического управления.

Однако отсутствие устойчивой коммуникации центра с региональными и местными партийными структурами, а также ресурсная автономия последних, наряду с сохраняющимся давлением со стороны правоохранителей, во многом нивелировали результаты усилий, направленных на укрепление иерархической составляющей.

Литература

Базанов, 1962 – Базанов В.И. И.А. Худяков и покушение Каракозова // *Русская литература*. 1962. № 4. С.146-163.

- Берман, 1913** – Берман Я. Влияние социально-правового и экономического фактора на государственную преступность // *Право*. 1913. № 33. С. 1912-1914.
- Бобровская, 1924** – Бобровская Ц. Записки рядового подпольщика (1894–1914). М., 1924.
- Богданович, 1990** – Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990.
- Богучарский, 1912** – Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912.
- Будницкий, 1994** – Будницкий О.В. «Кровь по совести»: терроризм в России. Вторая половина XIX – начало XX вв. // *Отечественная история*. 1994. № 6. С. 203-209.
- Булдаков, 1997** – Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997.
- Буренин, 1961** – Буренин Н.Е. Памятные годы. Воспоминания. Л., 1961.
- Варфоломеев, 2008** – Варфоломеев Ю.В. «Русский способ»: феномен революционного терроризма в России начала XX в. // *Российский исторический журнал*. 2008. № 2. С. 3-51.
- Варфоломеев, 2009** – Варфоломеев Ю.В. Знаменитые судебные процессы по делам революционных террористов в России (1901–1911). Энгельс, 2009.
- Вахрушев, 2001** – Вахрушев В.А. Исторические аспекты терроризма // *Вестник академии военных наук*. 2011. № 2 (35). С. 187-196.
- Вознесенский, 1928** – Вознесенский А.Н. Тени прошлого: (По царским судам). Из воспоминаний политического защитника. М., 1928.
- Галкин, 1996** – Галкин В.В. Царская тайная полиция в борьбе с революционным движением в России (1880–1910 гг.). М., 1996.
- Генкин, 1927** – Генкин И.И. Среди преемников Бакунина. Заметки по истории российского анархизма периода 1905–1906 гг. (Махаевцы, безначальцы, чернознаменцы, безмотивцы, черные вороны, анархисты против анархизма) // *Красная Летопись*. 1927. № 1 (22). С. 170-205.
- Герасимов, 2004** – Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 141-345.
- Гинев, 1999** – Гинев В.Н. Народовольческий террор в историографических оценках и мнениях / Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. СПб.: Алетейя, 1999. С. 26-43.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Головков, 2005** – Головков Г.З. Бунт по-русски: палачи и жертвы: Рандеву с революцией 1905–1907 гг. М., 2005.
- Гончаров, 1930** – Гончаров В.Ф. За Невской заставой: Записки рабочего Алексея Бузинова. М.; Л., 1930.
- Гредескул, 1912** – Гредескул Н.А. Террор и охранка. СПб., 1912.
- Гуляев, 1935** – Гуляев А.И. Боевые дружины большевиков. Работа боевой организации большевиков Нарвской заставы г. Петербурга в 1905–1907 гг. Л., 1935.
- Гурко, 2000** – Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
- Дейч, 1926** – Дейч Л.Г. Провокаторы и террор. По личным воспоминаниям. Тула, 1926.
- Ермаков, 1996** – Ермаков В.Д. Российский анархизм и анархисты (вторая половина XIX – конец XX в.). СПб., 1996.
- Залежский, 1925** – Залежский В.Н. На партийном фронте между двумя революциями. Ч. 1. В эпоху реакции (1906–1912 гг.). М.; Л., 1925.
- Засулич, 1931** – Засулич В.Н. Воспоминания. М., 1931.
- Звездов, 1925** – Звездов А.А. Рядовой подпольщик в революции 1905 г. М., 1925.
- Кальманович, 1928** – Кальманович С.Е. Царская расправа. М., 1928.
- Караваев, 1953** – Караваев П.Н. В дооктябрьские годы. На партийной работе, в тюрьме и ссылке. М., 1953.
- Козлинина, 1913** – Козлинина Е.И. За полвека. 1862–1912 гг. (Пятьдесят лет в стенах суда). Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913.
- Кошко, 1916** – Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914). Новгород; Самара; Пенза. Пг., 1916.
- Кузнецов, 2010** – Кузнецов В.Н. Революционный террор и акты экспроприации в Поволжье в начале XX века // *Вопросы истории*. 2010. № 12. С. 24-38.
- Куликов, 2014** – Куликов С.В. Наталья Климова – богиня и жертва террора // *Российская история*. 2014. № 1. С. 172-180.
- Мальшинский, 1880** – Мальшинский А.П. Обзор социально-революционного движения в России. СПб., 1880.
- Мартынов, 2004** – Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов: Воспоминания // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 28-410.

- Морозов, 1995** – Морозов К.Н. Б.В. Савинков и Боевая организация партии эсеров 1909–1911 гг. // *Минувшее. Исторический альманах*. Выпуск 18. М.; СПб., 1995. С. 243–317.
- Нестроев, 1910** – Нестроев Г.А. Из дневника максималиста. Париж, 1910.
- Новицкий, 1991** – Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991.
- Островитянов, 1967** – Островитянов К.В. Думы о прошлом (из истории первой российской революции, большевистского подполья и октябрьских боев против контрреволюции в Москве). М., 1967.
- Островская, 2013** – Островская О.А. Досуг в структуре повседневности террористов-эсеров: постановка вопроса // *Вестник Пермского университета. История*. 2013. № 3 (23). С. 70–78.
- Пазин, 2014** – Пазин Р.В. «Союз 17 октября» и политический террор начала XX века // *Вестник Пермского университета. История*. 2014. № 4 (27). С. 60–67.
- Панкратов, Поляков, 1965** – Панкратов Н.Р., Поляков И.М. Военно-боевая работа большевиков 1903–1917 гг. М., 1965.
- РГАСПИ** – Российский государственный архив социально-политической истории.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Ростов, 1926** – Ростов Н.М. Южное Военно-техническое бюро при ЦК РСДРП // *Каторга и ссылка*. 1926. № 1. С. 93–108.
- Рубцов, 2018** – Рубцов А.А. Социальные сети революционного народничества 1870-х годов в материалах следственных дел // *Вестник Пермского университета. История*. 2018. № 2 (41). С. 75–84.
- Салтык, 2002** – Салтык Г.А. Неонародническое движение Черноземного Центра России. 1901–1923 гг. М., 2002.
- Спиридович, 1916** – Спиридович А.И. Революционное движение в России. Выпуск II. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1916.
- Хлобустов, 2000** – Хлобустов О.М. Большевики и терроризм в России. Большевики и политический терроризм в России / Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С. 28–35.
- Шарапов, 2009** – Шарапов А.К. Террористический аспект в политической борьбе леворадикальных сил России на рубеже XIX и XX в. // *Вестник алтайской науки*. 2009. № 3. С. 176–189.

References

- Bazanov, 1962** – Bazanov, V.I. (1962). I.A. Khudyakov i pokushenie Karakozova [Khudyakov and the assassination attempt by Karakozov]. *Russkaya literatura*. 4: 146–163. [in Russian]
- Berman, 1913** – Berman, Ya. (1913). Vliyanie sotsial'no-pravovogo i ekonomicheskogo faktora na gosudarstvennyuyu prestupnost' [Influence of the socio-legal and economic factor on state crime]. *Pravo*. 33: 1912–1914. [in Russian]
- Bobrovskaya, 1924** – Bobrovskaya, Ts. (1924). Zapiski ryadovogo podpol'shchika (1894–1914) [Notes of an ordinary underground worker (1894–1914)]. М. [in Russian]
- Bogdanovich, 1990** – Bogdanovich, A.V. (1990). Tri poslednikh samoderzhtsa. Dnevnik [The last three autocrat.]. М. [in Russian]
- Bogucharskii, 1912** – Bogucharskii, V.Ya. (1912). Iz istorii politicheskoi bor'by v 70-kh i 80-kh godakh XIX veka. Partiya «Narodnoi voli», ee proiskhozhdenie, sud'by i gibel' [From the history of political struggle in the 70s and 80s of the XIX century. Party of "Narodnaya Volya", its origin, fate, and death]. М.
- Budnitskii, 1994** – Budnitskii, O.V. (1994). «Krov' po sovesti»: terrorizm v Rossii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv. ["Blood for Conscience": Terrorism in Russia. Second half of the 19th – early 20th centuries]. *Otechestvennaya istoriya*. 6: 203–209. [in Russian]
- Buldakov, 1997** – Buldakov, V.P. (1997). Krasnayasmuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya [Red confusion. The nature and consequences of revolutionary violence]. М. [in Russian]
- Burenin, 1961** – Burenin, N.E. (1961). Pamyatnyegody. Vospominaniya [Memorable Years. Memories]. L. [in Russian]
- Deich, 1926** – Deich, L.G. (1926). Provokatory i terror. Po lichnym vospominaniyam [Provocateurs and terror. From personal memories]. Tula. [in Russian]
- Ermakov, 1996** – Ermakov, V.D. (1996). Rossiiskii anarkhizm i anarkhisty (vtoraya polovina XIX – konets XX v.) [Russian anarchism and anarchists (second half of the 19th – end of the 20th century)]. SPb. [in Russian]
- Galkin, 1996** – Galkin, V.V. (1996). Tsarskaya tainaya politiya v bor'be s revolyutsionnym dvizheniem v Rossii (1880–1910 gg.) [Tsarist secret police in the fight against the revolutionary movement in Russia (1880–1910)]. М. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation].
- Genkin, 1927** – Genkin, I.I. (1927). Sredi preemnikov Bakunina. Zametki po istorii rossiiskogo anarkhizma perioda 1905–1906 gg. (Makhaevtsy, beznachal'tsy, chernoznamentsy, bezmotivtsy, chernye vorony, anarkhisty protiv anarkhizma). [Among the successors of Bakunin. Notes on the history of Russian anarchism in the period 1905–1906. (Makhaevtsy, beznachal'tsy, Black Banners, without motives, black crows, anarchists against anarchism)]. *Krasnaya Letopis'*. 1(22): 170–205. [in Russian]

- Gerasimov, 2004** – *Gerasimov, A.V.* (2004). Na lezvii s terroristami. «Okhranka»: Vospominaniya rukovoditelei okhrannykh otdelenii [On the edge with terrorists]. T. 2. M. Pp. 141-345. [in Russian]
- Ginev, 1999** – *Ginev, V.N.* (1999). Narodovol'cheskii terror v istoriograficheskikh otsenkakh i mneniyakh [Narodnaya Volya's Terror in Historiographic Estimates and Opinions]. Problemy sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii XIX–XX vv. SPb.: Aleteiya. Pp. 26-43. [in Russian]
- Golovkov, 2005** – *Golovkov, G.Z.* (2005). Bunt po-russki: palachi i zherty: Randevu s revolyutsiei 1905–1907 gg. [Revolt in Russian: Executioners and Victims: Rendezvous with the Revolution of 1905–1907]. M. [in Russian]
- Goncharov, 1930** – *Goncharov, V.F.* (1930). Za Nevskoi zastavoi: Zapiski rabochego Alekseya Buzinova [Behind the Nevskaya Zastava: Notes of the worker Alexei Buzinov]. M., L. [in Russian]
- Gredeskul, 1912** – *Gredeskul, N.A.* (1912). Terror i okhranka [Terror and secret police]. SPb. [in Russian]
- Gulyaev, 1935** – *Gulyaev, A.I.* (1935). Boevye druzhiny bol'shevikov. Rabota boevoi organizatsii bol'shevikov Narvskoi zastavy g. Peterburga v 1905–1907 gg. [Fighting squads of the Bolsheviks. The work of the fighting organization of the Bolsheviks of the Narva outpost in St. Petersburg in 1905–1907]. L. [in Russian]
- Gurko, 2000** – *Gurko, V.I.* (2000). Cherty i siluety proshlogo: Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika. [Features and Silhouettes of the Past: The Government and the Public in the Reign of Nicholas II in the Presentation of a Contemporary]. M. [in Russian]
- Kal'manovich, 1928** – *Kal'manovich, S.E.* (1928). Tsarskaya rasprava [Tsarist massacre]. M. [in Russian]
- Karavaev, 1953** – *Karavaev, P.N.* (1953). V dooktyabr'skie gody. Na partiinoi rabote, v tyur'me i ssylke. [Karavaev In the pre-October years]. M. [in Russian]
- Khlobustov, 2000** – *Khlobustov, O.M.* (2000). Bol'sheviki i terrorizm v Rossii. Bol'sheviki i politicheskii terrorizm v Rossii. [Bolsheviks and terrorism in Russia. Bolsheviks and political terrorism in Russia]. Sovremennyyi terrorizm: sostoyanie i perspektivy. M. Pp. 28-35. [in Russian]
- Koshko, 1916** – *Koshko, I.F.* (1916). Vospominaniya gubernatora (1905–1914) [Memoirs of the Governor (1905–1914)]. Novgorod; Samara; Penza. Pg. [in Russian]
- Kozlinina, 1913** – *Kozlinina, E.I.* (1913). Zapolveka. 1862-1912 gg. (Pyat'desyat let v stenakh suda). Vospominaniya, ocherki i kharakteristiki [For half a century. 1862-1912 (Fifty years in the walls of the court). Memories, Essays and Characteristics]. M. [in Russian]
- Kulikov, 2014** – *Kulikov, S.V.* (2014). Natal'ya Klimova – boginya i zhertva terrora [Natalia Klimova – Goddess and Victim of Terror]. *Rossiiskaya istoriya*. 1: 172-180. [in Russian]
- Kuznetsov, 2010** – *Kuznetsov, V.N.* (2010). Revolyutsionnyi terror i akty ekspropriatsii v Povolzh'e v nachale XX veka [Revolutionary terror and acts of expropriation in the Volga region at the beginning of the twentieth century]. *Voprosy istorii*. 12: 24-38. [in Russian]
- Mal'shinskii, 1880** – *Mal'shinskii, A.P.* (1880). Obzor sotsial'no-revolutsionnogo dvizheniya v Rossii [Review of the social revolutionary movement in Russia]. SPb. [in Russian]
- Martynov, 2004** – *Martynov, A.P.* (2004). Moyasluzhba v otdel'nom korpuse zhandarmov: Vospominaniya. «Okhranka»: Vospominaniya rukovoditelei okhrannykh otdelenii [My service in a separate gendarme corps: Memoirs]. T. 1. M. Pp. 28-410. [in Russian]
- Morozov, 1995** – *Morozov, K.N.* (1995). B.V. Savinkov i Boevaya organizatsiya partii eserov 1909–1911 gg. [Savinkov and the Fighting Organization of the Socialist-Revolutionary Party 1909–1911]. *Minuvshee. Istoricheskii al'manakh*. Vypusk 18. M., SPb. Pp. 243-317. [in Russian]
- Nestrov, 1910** – *Nestrov, G.A.* (1910). Iz dnevnika maksimalista [Nestrov From the diary of a maximalist]. Parizh. [in Russian]
- Novitskii, 1991** – *Novitskii, V.D.* (1991). Iz vospominanii zhandarma [Novitsky From the memoirs of a gendarme]. M. [in Russian]
- Ostrovityanov, 1967** – *Ostrovityanov, K.V.* (1967). Dumy o proshlom (iz istorii pervoi rossiiskoi revolyutsii, bol'shevistskogo podpol'ya i oktyabr'skikh boev protiv kontrevolyutsii v Moskve) [Dumas about the past (from the history of the first Russian revolution, the Bolshevik underground, and the October battles against the counter-revolution in Moscow)]. M. [in Russian]
- Ostrovskaya, 2013** – *Ostrovskaya, O.A.* (2013). Dosug v strukture povsednevnosti terroristov-eserov: postanovka voprosa [Leisure in the structure of everyday life of terrorists-SRs: raising the question]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. № 3 (23). pp. 70-78. [in Russian]
- Pankratov, Polyakov, 1965** – *Pankratov, N.R., Polyakov, I.M.* (1967). Voенно-boevaya rabota bol'shevikov 1903–1917 gg. [Military combat work of the Bolsheviks 1903–1917]. M. [in Russian]
- Pazin, 2014** – *Pazin, R.V.* (2014). «Coyuz 17 oktyabrya» i politicheskii terror nachala XX veka [“Union of October 17” and the political terror of the early XX century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 4(27): 60-67. [in Russian]
- RGASPI** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Social and Political History]. [in Russian]

- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. [in Russian]
- Rostov, 1926** – *Rostov, N.M.* (1926). Yuzhnoe Voенно-tekhnicheskoe byuro pri TsK RSDRP [Southern Military-Technical Bureau under the Central Committee of the RSDLP]. *Katorga i ssylka*. 1: 93-108. [in Russian]
- Rubtsov, 2018** – *Rubtsov, A.A.* (2018). Sotsial'nye seti revolyutsionnogo narodnichestva 1870-kh godov v materialakh sledstvennykh del [Social networks of revolutionary populism of the 1870s in the materials of investigative cases]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 2(41). pp. 75-84. [in Russian]
- Saltyk, 2002** – *Saltyk, G.A.* (2002). Neonarodnicheskoe dvizhenie Chernozemnogo Tsentra Rossii. 1901–1923 gg. [Saltyk Neo-People's Movement of the Black Earth Center of Russia. 1901–1923] M. [in Russian]
- Sharapov, 2009** – *Sharapov, A.K.* (2009). Terroristicheskiy aspekt v politicheskoi bor'be levoradikal'nykh sil Rossii na rubezhe XIX i XX v. [The terrorist aspect in the political struggle of the left-wing radical forces in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries]. *Vestnik altaiskoi nauki*. 3: 176-189. [in Russian]
- Spiridovich, 1916** – *Spiridovich, A.I.* (1916). Revolyutsionnoe dvizhenie v Rossii (1916). Vypusk II. Partiya sotsialistov-revolutsionerov i ee predshestvenniki [The revolutionary movement in Russia. Edition II. The Socialist Revolutionary Party and its predecessors]. Pg. [in Russian]
- Vakhrushev, 2001** – *Vakhrushev, V.A.* (2011). Istoricheskiye aspekty terrorizma [The famous revolutionary terrorist trials in Russia (1901–1911)]. *Vestnik akademii voennykh nauk*. 2(35): 187-196. [in Russian]
- Varfolomeev, 2009** – *Varfolomeev, Yu.V.* (2009). Znamenitые sudebnye protsessy po delam revolyutsionnykh terroristov v Rossii (1901–1911) [The famous revolutionary terrorist trials in Russia (1901–1911)]. Engel's. [in Russian]
- Varfolomeev, 2008** – *Varfolomeev, Yu.V.* (2008). «Russkii spozob»: Fenomen revolyutsionnogo terrorizma v Rossiinachala XX v. ["Russian Way": The Phenomenon of Revolutionary Terrorism in Russia at the Beginning of the 20th Century]. *Rossiiskii istoricheskii zhurnal*. 2: 3-51. [in Russian]
- Voznesenskii, 1928** – *Voznesenskii, A.N.* (1928). Teni proshlogo: (Po tsarskim sudam). Iz vospominanii politicheskogo zashchitnika [Shadows of the Past: (According to the royal courts). From the memoirs of a political defender]. M. [in Russian]
- Zalezhskii, 1925** – *Zalezhskii, V.N.* (1925). Na partiinom fronte mezhdru dvumya revolyutsiyami. Ch.1. V epokhu reaktsii (1906–1912 gg.) [On the party front between two revolutions. Part 1. In the era of reaction (1906–1912)]. M., L. [in Russian]
- Zasulich, 1931** – *Zasulich, V.N.* (1931). Vospominaniya [Memories]. M. [in Russian]
- Zvezdov, 1925** – *Zvezdov, A.A.* (1925). Ryadovoi podpol'shchik v revolyutsii 1905 g. [An ordinary underground worker in the revolution of 1905]. M. [in Russian]

Сетевая организация российского революционного движения в период второй половины XIX – начала XX вв.

Роман Васильевич Парма ^{a, *}

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. Исследование посвящено вопросу применения принципов сетевой организации российским революционным движением в период второй половины XIX – начала XX вв. Цель исследования состоит в оценке практического опыта применения сетевой структуры в организации движения российских революционеров. Методология исследования построена на дескриптивном, сравнительном и структурном анализе. Источники исследования формировались на основе архивных материалов, включая неопубликованные документы из фондов Особого отдела Департамента полиции МВД, Центрального комитета партии эсеров и Главного военно-судного управления, а также обширного корпуса воспоминаний современников, участников и противников революционного движения. Анализ источников показал, что сетевая структура организации формируется на основе автономной деятельности элементов. Сетевые структуры для организации подпольной деятельности были созданы различными революционными течениями, в числе которых народовольцы, анархисты, социал-демократы, максималисты, эсеры и большевики. Сетевая организация соответствовала потребностям, способам борьбы и нелегальному положению российского революционного движения в условиях подавления властями политических радикалов. Формирование «паучьих сетей» позволяло революционерам достаточно эффективно обеспечивать «выживание» ячеек, решать задачи,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: rvparma@mail.ru (Р.В. Парма)

связанные с рисками ликвидации и необходимостью конспирации, минимизацией внутренних расколов и общественной экспансией. Сетевой принцип организации революционного движения признается оптимальным в условиях подпольной деятельности в отсутствии устойчивой связи с управляющим центром и применения репрессивных мер государства. Однако построенная по сетевому принципу организация революционеров оказалась не приспособленной для захвата власти как из-за низкой степени управляемости региональных и местных подразделений, так и отсутствия эффективных механизмов координации их действий и консолидации ресурсов.

Ключевые слова: сетевая организация, система управления, революционное движение, политические радикалы, государственный порядок, репрессивные меры.